

Ряд замечаний имеется к карте народов Китая (1). Составлена она с меньшими подробностями, чем позволяет имеющийся материал (например, крупномасштабные карты по провинциям). Некоторые районы, особенно на востоке страны, изображены очень схематично. Границы расселения таких народов, как шуи, буи, чжуан, показаны по-другому, чем на более подробных картах по провинциям. В Китае около 13% территории, главным образом пустыни и высокогорные районы, совершенно не населены; в Синьцзяне и Тибете они составляют около половины всей площади. На карте же схематично показаны только отдельные небольшие незаселенные районы. В различных местах одним цветом выделены «прочие» народы, что на картах обычно не делается. Следовало бы по крайней мере в легенде дать расшифровку названий этих народов а на карте отличить их номерами.

Наконец, следует остановиться на количественных показателях изображения народов. В Китае население размещено очень неравномерно. В западной половине страны живет всего 3% населения. Плотность его в восточных районах в среднем в 50 раз больше, чем в западных. Тибетцы, которых насчитывается 2,8 млн. чел., занимают территорию лишь в 2,5 раза меньшую, чем китайцы, численность которых превышает в настоящее время 600 млн. чел. Поэтому было бы желательно выделить более выпукло самые многочисленные народы или же народы, имеющие высокую плотность. Это можно было сделать, выбирая для них самые интенсивные краски и более густую штриховку.

Условными значками показаны вкрапления других народов, независимо от их численности в данном месте. Так, например, ряд вкраплений маньчжур показан в таких провинциях, как Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Шэньси, где их численность не превышает 200—800 чел. Вряд ли целесообразно было их показывать в этих районах на сводной карте народов Китая (1). Они здесь не являются органическим элементом.

Несмотря на отмеченные недостатки, можно поздравить китайских ученых с значительными достижениями в области этнического картографирования. С удовлетворением можно отметить, что связи между китайскими и советскими учеными в области этнической картографии все расширяются. В 1956 г. побывавшая в СССР делегация китайских этнографов проявила большой интерес к работам Института этнографии АН СССР по составлению карт народов новым методом, который заключается в сочетании показа на одной карте этнического состава и плотности населения. Затем, в 1957 г., в Китае побывал заведующий сектором этнической статистики и картографии Института этнографии П. Е. Терлецкий, который ознакомил китайских ученых с новым методом этнического картографирования. После этого китайские специалисты приступили к составлению по этому методу этнических карт отдельных территорий (например по западной части Гуанси-Чжуанской автономной области). Было бы желательно появление новых карт народов (составленных разными способами) по таким сложным в этническом отношении районам Китая, как, например, Синьцзян, Дунбэй, Ганьсу Цинхай и т. д.

С. И. Брук

*Гуанси чжуанцзу лиши хэ сяньчжуан* (История и современное положение народа чжуан провинции Гуанси). Ред. Хуан Цзан-су и др., Пекин, 1958, 68 стр.

5 марта 1958 г. в жизни многонационального Китая произошло важное событие. После тщательной подготовительной работы в г. Наньнин в торжественной обстановке было провозглашено создание третьей автономной области КНР — Гуанси-Чжуанской. С созданием этой автономии сбылись вековые мечты чжуанского народа — самого крупного по численности национального меньшинства страны.

Накануне этого события Издательство национальной литературы КНР выпустило в свет коллективный труд китайских историков и этнографов, посвященный истории и современному положению чжуан Гуанси. Не будет преувеличением сказать, что до публикации этой книги сведения о чжуан в мировой науке были чрезвычайно скудны. Материалы экспедиционных исследований ученых народного Китая, данные исторических хроник позволили авторам дать общую, хотя и краткую картину истории сложения чжуанской народности, которая совместно с китайцами героически боролась против феодально-империалистического гнета. Авторы рецензируемой книги, используя обширные материалы, показывают, что сложение хозяйственно-культурного типа бывшей провинции Гуанси явилось результатом объединенных усилий и творчества чжуан и китайцев.

В небольшой по объему работе содержится так много новых материалов и фактов, что они заставляют пересмотреть сложившиеся раньше представления о чжуан и их месте в истории Китая. Книга содержит семь разделов. Первый из них посвящен общей характеристике народа и области его расселения. По данным 1958 г., чжуан в Китае насчитывается свыше 7 млн. Подавляющее большинство чжуан (свыше 6,5 млн. чел.) проживает в западной половине Гуанси, где они составляют 37% всего населения; 73 уезда и города Гуанси-Чжуанской области населены исключительно чжуан,

которые живут на территории, составляющей около 60% Гуанси. Главным городом является Наньнин, ставший с марта 1958 г. центром ныне созданной автономной области.

Климатические и природные условия Гуанси чрезвычайно благоприятны для круглогодичного занятия поливным земледелием. Этот вид сельского хозяйства — основное занятие крестьян. В то же время довольно значительная часть населения занята на промышленных предприятиях и угольных разработках.

Чжуан являются самыми ранними обитателями Гуанси. Уже в начале нашей эры они достигли больших успехов в производстве сельскохозяйственной продукции, выработали свою систему поливного земледелия, создали крупные поселения. Благоприятное сочетание природных и исторических условий жизни чжуан способствовало значительному экономическому и культурному развитию этой народности по сравнению с другими национальными меньшинствами страны. Историческое единение трудящихся чжуан и китайцев предопределило широкое участие этих двух народов в истории революционной борьбы Китая. В результате осуществления национальной политики Коммунистической партии Китая в 1952 г. в западной части Гуанси был создан автономный район чжуан, в 1956 г. преобразованный в округ. Под руководством Коммунистической партии Китая здесь были осуществлены демократические и социалистические преобразования в сельском хозяйстве, ремесленном производстве и промышленности, способствовавшие резкому подъему благосостояния народа.

Второй раздел монографии посвящен исследованию исторических наименований предков чжуан в китайских хрониках, их самоназваний и вопросам их происхождения. Устанавливая, что этноним чжуан появляется в китайских хрониках с начала правления династии Сун (X в.), авторы убедительно доказывают принадлежность этнонимов лоюэ, ляо, ли, лан предкам чжуан. Такое отождествление дает право видеть в группах дунъюэ (дуноу) и сиюэ (сиоу; последние связаны с лоюэ) самых ранних предков чжуан и таким образом, исходя из исследований вьетнамских историков, рассматривать ранний этногенез чжуан в связи с этногенезом вьетнамцев; лоюэ (вьетнамская форма лак-вьет) определенно считаются предками вьетнамцев. Хотя это и не нашло отражения в настоящей работе из-за ее краткости, необходимо также добавить, что раннее государственное образование на юге Китая — Наньюэ (III—I вв. до н. э.) было создано предками чжуан и вьетнамцев. Говоря о современных самоназваниях чжуан, авторы отмечают четыре, как наиболее распространенные и всеобщие: бучжуан, буту, буи, бунун (в каждом случае компонент «бу» означает на языке чжуан «человек»).

В третьем разделе книги дается краткий исторический очерк народности чжуан. На 18 страницах изложены основные события из жизни чжуан, начиная с времени правления династии Тан (VI—X вв.) до середины XIX в. Внутри раздела материал разбит, в соответствии с традиционной хронологией, по династиям и в основном заимствован из династических хроник. Но из обширных сведений китайских исторических памятников авторы берут такие факты, которые наиболее четко характеризуют процессы разложения первобытно-общинных отношений, степень развития различных отраслей производства у чжуан. Безусловно, для краткого очерка такая подача материала наиболее выигрышна. Приведенные материалы показывают, что уже к началу X в. чжуан имели развитое ремесленное производство, выросшее на базе древних традиций (бронзовые барабаны, знаменитая чжуанская парча). Процессы классового разложения внутри общества чжуан были столь значительны, что сохранявшееся по традиции родоплеменное деление играло не большую роль в их общественной жизни, чем широко известные «цзунцзу» (территориально-родственные общины) у китайцев. Родоплеменная верхушка чжуан имела доступ к чиновничьим должностям императорского Китая. С другой стороны, усилившиеся феодалы пытались выйти из подчинения императорскому Китаю, стать независимыми владетелями своих областей. Особенно ярко эта борьба против центральной власти проявилась в конце IX и начале XI в. В первом случае борьбу с танским Китаем вел род Хуан, во втором — род Нун. Старейшина рода Нун Чжигао в мае 1052 г. поднял восстание против сунской империи, привлек на свою сторону крестьянские массы чжуан и китайцев и, захватив ряд крупных городов и селений (в том числе современный город Наньнин), провозгласил себя императором и основал государство Наньтяньго («Небесное государство Юга»). Войска Нун Чжигао первое время одерживали победы и развивали наступление на восток, к Гуанчжоу. К исходу 1052 г. восставшие блокировали Гуанчжоу, но продолжавшаяся 57 дней осада не дала результатов; восставшие не овладели городом, силы их ослабли, и в решительном сражении с сунскими войсками в январе 1053 г. они потерпели поражение: Нун Чжигао с небольшим отрядом ушел на территорию государства Дали (стр. 20).

В период правления династии Цин (1644—1912), отмечают авторы книги, в районах, населенных чжуан, значительно обострились противоречия как классовые (между крестьянством чжуан и китайцев, с одной стороны, и чжуан-китайскими помещиками, — с другой), так и национальные. К концу этого периода классовая борьба крестьянства стала приобретать более резкие формы (стр. 30), а верхушечные слои чжуан и китайцев всячески разжигали национальную рознь между этими народами. Следует подчеркнуть, что в экономическом, социальном и культурном отношении чжуан не уступали китайцам (стр. 31). В то же время тесные культурно-исторические

связи этих двух основных народов Гуанси были столь прочными, что попытки нарушить их не могли увенчаться успехом. Вероятно, это в первую очередь предопределило особое место чжуан среди других национальных меньшинств страны в революционной истории Китая.

История революционной борьбы трудящихся масс чжуан посвящены четвертый и пятый разделы книги: «Революционная борьба народа чжуан в период правления династии Цин» и «Революционная борьба народа чжуан под руководством Коммунистической партии Китая». Если во втором из этих разделов авторы дают дополнительные сведения об уже известных фактах участия чжуан в народной революции о знаменитых 7-й и 8-й Красных армиях, созданных чжуан и действовавших в Гуанси о героическом сыне чжуанского народа коммунисте Вэй Бацюне, о коммунистически партизанских отрядах, изгнавших гоминдановцев с захваченной ими территории, то первый раздел сообщает совершенно новые материалы, вынуждающие пересмотреть некоторые установившиеся в исторической науке взгляды.

Четвертый раздел включает две главы: «Участие гуансийских чжуан в восстании периода Тайпинтанго» и «Вклад народа чжуан в китайско-французскую войну в конце династии Цин».

Чжуан всех слоев населения, от старейшин-феодалов до крестьян и угольщиков приняли активное участие в тайпинском восстании, выдвинув таких вождей, как Вэй Чанхуэй и Линь Фынсян. Линь Фынсян был выходцем из беднейших слоев чжуанского крестьянства; будучи одним из руководителей северного похода тайпинской армии, он внес большой вклад в дело тайпинов. Восстание тайпинов началось в чжуанской деревне Цзиньтянь, в нем приняли активное участие чжуан, которые «составляли одну четвертую или около одной трети всего состава тайпинской армии того времени» (стр. 33). Таким образом, великая крестьянская война тайпинов должна рассматриваться как антифеодальное и национально-освободительное движение китайцев, чжуан и других народов Китая. В этой же главе сообщены новые факты о местных очагах восстаний, которые способствовали укреплению тайпинов. Вторая глава сообщает, что большинство бойцов легендарной армии Черных флагов, сражавшейся против французских колонизаторов, составляли чжуан, проявившие в кровопролитных боях мужество и отвагу (стр. 35).

В разделе шестом рецензируемой книги описываются характерные особенности экономики, культуры и политического устройства чжуан до Освобождения. Из помещенных материалов следует обратить внимание прежде всего на замечание авторов о капиталистическом укладе у чжуан. Так, авторы сообщают, что в обществе чжуан до Освобождения ремесло в ряде случаев отделялось от земледелия и появилась небольшая группа населения, ставшая наемными рабочими на небольших предприятиях. Это, по мнению авторов, свидетельствует о том, что «начинают возникать капиталистические мануфактуры» (стр. 43). Ясно, что в условиях столь высокого уровня социально-экономического развития система местных управителей тусы, принятая для национальных окраин Китая, была неприемлема в отношении чжуан, и на районах расселения распространялась общекайтайская политическая административная структура (стр. 44). В специальной главе о языке авторы, оговаривая, что вопрос о существовании в прошлом своей иероглифической письменности у чжуан остается невыясненным, склонны считать более вероятным, что такая письменность была (стр. 50).

Заключительный, седьмой, раздел авторы посвящают характеристике тех коренных изменений, которые произошли в жизни народа чжуан после Освобождения. На ярких примерах они показывают социалистические преобразования в области экономики и культуры гуансийских чжуан, которые вместе с китайским и другими народами страны под руководством Коммунистической партии Китая добились решающих побед во всех областях новой жизни. В результате происшедших изменений уже в 1956 г. доля промышленности в общем производстве чжуан составляла 10% (стр. 59), а это означает численный рост рабочего класса, его возросшую роль в жизни своего народа.

В настоящее время китайские ученые готовят к выпуску серию историко-этнографических очерков о народах своей многонациональной страны. Удачный опыт такого рода изданий уже есть — это прежде всего рассмотренная здесь книга о чжуан Гуанси. Можно быть уверенными, что китайские ученые с честью выполнят поставленную задачу и их исследования явятся значительным вкладом в этнографическую науку. Хочется выразить надежду, что вслед за небольшими трудами китайские ученые создадут капитальные исследования, посвященные истории, культуре и быту народов Китая.